

The background of the book cover is a photograph of a landscape. It features a clear, light blue sky with a few wispy clouds. In the foreground, there is a green field. A line of dark green trees is visible in the distance. In the top left corner, there are dark, out-of-focus leaves of a plant.

Николай Югов

Хранитель Черного ручья

16+

Николай Югов

Хранитель Черного ручья

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Югов Н.

Хранитель Черного ручья / Н. Югов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

«Хранитель Черного ручья» – это первый из шести коротких историко-приключенческих романов, рассказывающих о событиях, возможно происходивших в верховье реки Волги. Время действия – каменный век, а точнее, поздний палеолит. Главный герой романа, – охотник, по имени Острый Рог. После случайного убийства большой бурой медведицы, считавшейся хранительницей их племени, юноша вынужден покинуть родное стойбище и уйти в чужие края. О том, как жил этот человек в незнакомом, диком, лесу, о тех неожиданных встречах, приключениях и открытиях, которые изо дня в день сопутствовали молодому охотнику, и рассказывает этот роман. Он, написан на основании находок, обнаруженных в этой местности.

© Югов Н., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1. Изгой	5
Глава 2. На север	8
Глава 3. Новое место	11
Глава 4. Каменный огонь	14
Глава 5. Важные находки	16
Глава 6. Топор и копье	19
Глава 7. Дождь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Изгой

Светало. Макушки редкого Северного леса, словно вырезанные, четко выделялись на фоне зари. Поверхность озера побелела, и ручей, вытекающий из него, уже не казался черным. Журча и образуя водовороты, он уверенно тек сквозь огромный топкий торфяник и постепенно скрывался где-то далеко за покрытыми лесом, холмами.

Вот со звуком, напоминающим отдаленный свист, низко над водой пронеслась стая уток. Где-то рядом, совсем недалеко от берега, послышался хруст ветвей, и из чащи леса на поляну, прилегающую к ручью, вышел красавец-лось. Он немного постоял, словно осматриваясь, а затем не торопясь спустился к ручью и начал пить холодную чистую воду. Застрекотали сороки, и солнце, словно разбуженное их неугомонными голосами, стало медленно, словно нехотя, подниматься из-за линии горизонта.

Острый Рог, рослый юноша, лет двадцати, с темной бородой и такой же темной копной волос на голове, молча стоял на берегу ручья и внимательно всматривался в воду. Было тепло, и старая волчья шкура, защищавшая его от холода всю долгую голодную зиму, теперь была уже не нужна, и только лишь набедренная повязка все еще оставалась на его мускулистом и смуглом от загара теле. Острога, с отполированным до блеска костяным наконечником, собственноручно изготовленная им и служившая предметом его гордости, лежала рядом. Рыбы было мало, да и та предпочитала сегодня держаться подальше от берега. Постояв еще какое-то время, он поднял свое орудие и медленно побрел вниз по течению, надеясь, что там ему повезет больше. Босые ноги мягко ступали по молодой изумрудной траве. Утренняя мгла постепенно редела, и скоро все предметы обрели свои реальные очертания. Большими белыми пятнами на зеленом фоне буйно цвела земляника. Где-то высоко в небе пел жаворонок, и казалось, что сама природа была сегодня предрасположена к нему и сулила удачу. Она была рядом, возможно даже, за тем холмом, скрывающим поворот ручья, откуда уже отчетливо доносился умеренный шум переката. Там, под нависшим берегом реки, увенчанным огромными валунами, вода с шумом пробивала себе дорогу в неподатливой, вязущей глине. Он прекрасно знал это место. Заманчивое и опасное, оно влекло к себе возможностью вернуться с хорошей добычей, но каждый раз его останавливало инстинктивное чувство опасности, данное ему природой, и он полностью доверял этому, врожденному чувству. Здесь иногда, с нависшего многометрового берега срывались огромные тяжелые камни, да и к тому же в этом месте у него был опасный и сильный конкурент. Огромная бурая медведица, державшая в страхе всю округу и считавшаяся хранительницей этих мест, давно уже хозяйничала здесь смело и безраздельно. Широкий плес с его крутым, почти отвесным левым берегом, всегда изобиловал рыбой, но ловить ее здесь, было запрещено. Это место принадлежало медведице, и та, не потревоженная никем, часто и с удовольствием плескалась в его прозрачной воде, находя здесь для себя обильную и вкусную пищу.

Шум переката постепенно усиливался. Берег становился круче, и скоро Острый Рог шел уже по воде. Течение здесь было сильным, и, чтобы сохранить равновесие, приходилось держаться за камни. Они были черными и напоминали огромные спрессованные угли, в беспорядке разбросанные по дну ручья, и казалось, что еще совсем недавно какой-то таинственный великан грелся здесь у своего костра и, уходя, залил его водой. Впечатление дополняли высокие и стройные осины с мощными корнями, которые иногда выступали из подмытого берега и были похожи на чьи-то большие руки, тянущиеся к человеку из размытой водою земли. Утренний туман, еще хранящийся здесь, придавал им самые фантастические очертания, но поднимающееся солнце разогревало воздух, и белесая пелена постепенно рассеивалась.

Внезапно, где-то совсем недалеко, всплеснула рыба, а через минуту Острый Рог уже отчетливо видел ее приближающийся мощный плавник. Сжав острогу и не обращая никакого

внимания на сорок, неожиданно раскричавшихся в нависших над ним ветвях, он замер. Крупный жерех шел прямо на него. Еще мгновение – и костяной наконечник, бесшумно скользнув над водой, настиг свою добычу. Рыба метнулась, обдав человека бесчисленными прозрачными брызгами, но все было тщетно. Острога с нанизанной на нее добычей поднялась и вдруг остановилась, словно повисла в воздухе. На оцепеневшего от неожиданности Острого Рога в упор смотрели жуткие глаза огромного бурого зверя. Перед ним, поднявшись на задних лапах, стояла мокрая от воды медведица и удерживая передними лапами все еще быющую на остроге рыбу, с недоумением смотрела на конкурента. За ее спиной, на противоположном берегу ручья, сидел медвежонок и с явным интересом наблюдал за происходящим. Все это длилось какое-то мгновение. Медведица рывкнула так, что смолкло и оцепенело все живое, и перехватила жереха зубами. Объятый ужасом и уже не отдающий отчета своим поступкам, Острый Рог, инстинктивно пытаясь оттолкнуть хищницу, с силой нажал на острогу. Она с хрустом вошла в пасть зверя и, пробив шейные позвонки, вышла на холке. Смерть наступила мгновенно. Медведица замерла и стала медленно оседать в воду. Течение подхватило ее уже безжизненное тело и медленно поволокло к далекому Синему омуту, где оно вскоре и скрылось в его темной бездонной глубине. Скрылась и острога, застрявшая в ее горле. Отчаянно и жалобно заскулил медвежонок и исчез в прибрежных зарослях кустарника. С нависшего над водой берега скатился камень и, с плеском, упал в воду. Острый Рог посмотрел вверх. На краю обрыва стояли его соплеменники. Они молчали. Молчали и говорливые трещотки-сороки. Прервал свою песню неугомонный жаворонок, и сам он будто бы пропал, растворившись в безоблачном синем небе, и только Черный ручей, ворча и пенясь, все так же прорывался сквозь выступающие над водой огромные черные камни. Потом люди ушли, и Острый Рог остался один. Только сейчас он начал в полной мере осознавать весь ужас невольно содеянного им происшествия. У его племени больше не было покровительницы и злые духи, пользуясь этим, теперь беспрепятственно будут проникать в их жилища и наводить на их обитателей всевозможные тяжкие болезни. Волки далеко угонят стадо пугливых оленей, и урожайный доселе орешник уже больше не даст им своих вкусных и питательных плодов. Погаснет огонь костра, и люди его племени будут медленно умирать, проклиная Острого Рога.

С верхней точки холма, подрезанного Черным ручьем, отчетливо были видны знакомые конусные строения. У крайнего из них он узнал отца. Тот неторопливо стучал камнем о камень, видимо, пытаясь отбить приличный кремневый осколок, из которого впоследствии мог бы выйти столь необходимый в хозяйстве скребок. Старый инструмент давно уже пришел в полную негодность, а вчера к тому же еще и дал безнадёжную, крупную, трещину.

Невдалеке виднелось и жилище соседей, с которыми он дружил с самого раннего детства. Сейчас там, по всей вероятности, было пусто. Клык Росомахи уже третий день как ушел к истоку Черного ручья, а его сестра – красавица Ирис, наверное, вновь увлеклась спокойной, грибной охотой. Конечно, сейчас не лето, и настоящий грибной сезон еще впереди, однако если хорошо поискать в этом, только еще покрываемом зеленью лесу, то вполне возможно обнаружить под молодыми березками разрозненную стайку сморчков. Зажаренные на костре, они по вкусу очень напоминают нежное утиное мясо, ну, а если повезет, то там же, на старых березовых пнях, можно будет найти и дружную семейку опят. А вот и она – его соседка.

Из перелеска, направляясь к своему жилищу, появилась пятнадцатилетняя девушка с туеском рыжих опят и охапкой сухого хвороста. Ирис еще ничего не знала о случившемся происшествии, и ей было весело. Раньше, каждый раз проходя мимо него, она как-то странно и загадочно улыбалась, и всякий раз Острому Рогу хотелось сделать что-то хорошее, доброе, вызывающее бурное восхищение в ее глазах и плохо скрываемую зависть на лицах ее многочисленных поклонников. Теперь все это для него было уже в недостижимом прошлом, и с высоты холма он смотрел сейчас на это прошлое как на прекрасный сон, который вскоре должен забыться. Юноша понимал, что племя никогда не простит ему убийства своей покрови-

тельницы, и он никогда уже не сможет жить так, как раньше, вместе со всеми огорчаясь и радуясь всему тому, что происходит вокруг. Виноват в этом, конечно же, был он сам, невольно нарушивший закон предков, и ему теперь больше не было места в их жизни. В последний раз, с грустью, взглянув на столь близкие ему места, Острый Рог спустился к Черному ручью, перебрался на противоположный берег, где еще отчетливо были видны следы медведицы и медвежонка, и скоро исчез в незнакомом ему Северном лесу. Вечером пошел дождь, а утром, когда он закончился, все следы на песке исчезли, и ничто уже не напоминало о произошедшей здесь, недавно, трагедии.

Глава 2. На север

Местность была незнакомой и от этого казалась недружелюбной и даже опасной для движущегося по ней человека. Зеленая густая трава, обильно покрывающая землю, гасила звуки шагов, и Острый Рог постоянно озирался. Ему казалось, что за каждым деревом, за каждым кустом прячется какое-то страшное, неведомое существо, готовое в любую минуту броситься на одинокого путника и растерзать на мелкие куски свою неосмотрительную и легкую добычу.

Вот слева дрогнула ветка ели, и вверх по стволу взметнулось что-то рыжее и тут же исчезло в отверстии небольшого дупла. Острый Рог замер от неожиданности, но тут же рассмеялся.

«Хорош охотник! – подумал он. – От маленькой белки шарахается!» – и, ободренный этим небольшим происшествием, уже спокойно и уверенно зашагал дальше.

Вскоре, за густыми зарослями берез, показался просвет, и спустя некоторое время человек вышел на поляну. На противоположной стороне ее, похожее на небольшие движущиеся холмики, мирно паслось стадо огромных зубров. Острый Рог их не боялся. Он знал, что если не злить вожака своим видом и не подходить слишком близко к этим безмятежно пасущимся травоядным, то все обойдется миром. Обходя свободное от леса пространство, он случайно вспугнул глухаря. Тот с шумом взлетел над макушками деревьев, пересек поляну и вскоре пропал из вида. Стадо зубров насторожилось, но через какое-то время животные вновь успокоились и вновь опустили к траве свои огромные темные головы.

Солнце, достигнув своего зенита, уже постепенно клонилось к горизонту, а Острый Рог все шел и шел на север, обходя топкие болотины, непролазные чащи и буреломы, в значительном количестве встречавшиеся ему на пути. Однажды, на песке, у небольшого прозрачного ручейка он заметил следы медвежьих лап. Они были небольшими и, видимо, принадлежали медвежонку, тоже, как и он, бредущему куда-то на север. Наконец, когда солнечные лучи коснулись вершин деревьев, а густеющий сумрак явственно окутал их корни, Острый Рог остановился. Перед ним стояло огромное сухое дерево с большим уютным дуплом и словно манило человека, предлагая ему спокойный и безопасный отдых. Здесь он и решил заночевать. Пытаясь осмотреть, так кстати, обнаруженное им убежище, Острый Рог дотянулся до его края и тут же отпрянул от неожиданности. Из темного проема дупла показалась чья-то мохнатая когтистая лапа, а затем послышалось и недовольное рычание потревоженного им зверя. Место было занято. Медвежонок, а это был именно он, оказался более проворным и Острому Рогу ничего не оставалось, кроме как найти себе новое место для ночлега. Ель, стоящая рядом, вполне устраивала его. Спать на ее смолистых ветвях, конечно же, было не так удобно по сравнению с дуплом, но все же лучше, чем на голой земле, да к тому же и безопаснее. Наломав в достаточном количестве крупных еловых веток, он затащил их на дерево, аккуратно разложил на сучьях, и уже через полчаса место для ночлега было готово. Сооружение, построенное им, было похоже на гнездо огромной птицы и сулило возможность спокойно выспаться. Он лег и скоро задремал. Сон был настолько крепок, что ни отдаленные раскаты грома, ни шум небольшого дождя по кронам деревьев не смогли разорвать его всеильные и сладкие оковы.

Утро встретило человека уже теплыми лучами солнца, робко пробивающимися сквозь зеленую хвою ели, и веселым пением дроздов, поселившихся здесь еще с ранней весны. Безоблачное синее небо указывало на то, что день будет теплым, а небольшое облако белого тумана, лежащего на болоте, говорило о том, что дождя сегодня не ожидается. Острый Рог протер глаза, потянулся и не торопясь начал спускаться на землю. Роса была холодной, и его ноги моментально намокли, но это не смутило человека. Он знал, что пройдет немного времени, и в лесу вновь станет сухо, и застывшие ноги его вновь почувствуют тепло прогреваемой солнцем

земли. Взгляд Острого Рога прошелся по небольшой окружающей его поляне и остановился на знакомом засохшем дереве с темным проемом дупла. Там было тихо

– Проснись, лежебока! – подойдя к стволу, вполголоса произнес человек, но ему никто не ответил. Видимо, мишка еще до рассвета покинул свое уютное ночное убежище и сейчас где-нибудь уже завтракает, копая сладкие корни или роясь в найденном им муравейнике. Острый Рог тоже был голоден. Орехов и ягод в это время года еще не было, а мясо в данной ситуации ему было просто недоступно. Оно бегало, прыгало, летало, словно провоцируя человека, и Острому Рогу пришлось приложить немало усилий, чтобы не поддаться на эти многочисленные и явные провокации. Внезапно, со стороны болота, еще недавно скрытого утренним туманом, раздалось утиное кряканье, и он, ободренный этими звуками, уверенно зашагал в ту сторону.

Ели постепенно исчезли, и им на смену пришли красивые раскидистые дубы и высокие белоствольные березы, в изобилии растущие на пригорках. Скоро деревья расступились, и под ногами захлюпала вода. Перед ним в ложбине, окруженное со всех сторон лиственной рощей, лежало небольшое круглое озеро, которое изначально он и принял за болото. В центре его, отделенный водой от берегов, возвышался островок, на котором можно было разглядеть большой темно-синий камень и сидящих на гнездах уток.

Озеро оказалось мелким. Бродя по колено в воде, Острый Рог неторопливо собирал яйца, а затем, выбравшись на сухое место, с наслаждением пил их и, наконец утолив голод, долго лежал на спине и смотрел в небо. Ему здесь определенно нравилось. Оказалось, что в этой, по всем приметам, непроточной воде, имеется и рыба. Он заметил приличную щуку, всплывшуюся при его приближении, а затем и нескольких болотных черепах, неторопливо питающихся молодыми побегами травы. Вскоре, на противоположной стороне озера он обнаружил и плотину, сооруженную дружным семейством бобров. Значит, все же где-то была протока, и Острый Рог, обойдя озеро, действительно, пересек два небольших ручейка, вытекающих из него в совершенно противоположные стороны. Один из них устремлял свои воды на юго-запад, в сторону Черного ручья, а другой, скатываясь с пригорка, уходил куда-то на северо-восток и исчезал в недалеких еловых зарослях. Можно было бы здесь и остановиться, но какой-то внутренний голос подсказывал ему, что нужно идти дальше, и Острый Рог лежал и прислушивался к этому голосу. Затем, видимо, приняв окончательное решение, он поднялся и, не оглядываясь, уверенно зашагал в выбранном направлении.

Местность становилась все выше. Иногда взгляд человека останавливался на густых зарослях лещины, в изобилии произраставшей под сенью разлапистых сосен. Изредка встречались и небольшие куртины дубов с уже распустившимися изумрудно-зелеными листьями, а также отдельно стоящие огромные деревья-великаны. Они тоже принадлежавшие к этому крепкому суковатому семейству. Постепенно, то здесь, то там, начали появляться липы, и скоро он уже шел по прекрасной липовой роще, венчающей эту возвышенность, с наслаждением вдыхая сладкий запах меда. Вверху деловито сновали пчелы, видимо, давно облюбовавшие для себя эти высокие дуплистые деревья, и, пользуясь благоприятной погодой, уверенно пополняли свой сладкий медовый запас.

Решив осмотреться, Острый Рог выбрал удобно расположенную и достаточную по высоте липу и спустя какое-то время уже был на ее вершине. Вид сверху поразил и обрадовал его. С макушки дерева отчетливо просматривалась вся окрестность. Липовая роща, в которой он и находился в настоящее время, была не слишком большой, как ему показалось вначале, и с северной стороны заканчивалась на отлогом спуске. За ним, подступая к самым деревьям, плескался огромный чистый водоем. С запада на восток его пересекала небольшая речка, что говорило о наличии здесь достаточного количества рыбы. Это же подтверждали и увиденные им чайки, летающие над водой, а также цапли, неторопливо бродящие у берега в поисках пищи. На восточной, болотистой, стороне этого прекрасного озера Острый Рог заметил также и множество журавлей, видимо, обосновавшихся здесь всерьез и надолго. С высоты выбранной им

липы он довольно долго любовался этими большими и красивыми птицами и, наконец, решил в их честь назвать это озеро Журавлиным.

Острый Рог перевел взгляд в противоположную сторону. Далеко на юг, вплоть до самого горизонта, простирался сплошной лиственный лес, и лишь в том месте, где у прозрачного ручейка он видел следы медвежьих лап на песке, темно-зеленым пятном выделялась небольшая хвойная роща. Присмотревшись внимательнее, далеко на юго-западе, Острый Рог разглядел и слабый дымок костра, хотя, может быть, ему это просто показалось. Понаблюдав еще немного, он спустился вниз и теперь уже окончательно решил здесь обосноваться. Устраивало все: и близость, богатого пернатой дичью и рыбой озера, и обилие ореховых зарослей, и сухая песчаная почва, что тоже было очень существенно для сооружения здесь теплого зимнего жилья. Наверное, найдутся в этом прекрасном месте и ягоды, и грибы, а под сенью дубовых ветвей можно будет встретить приличную стаю кабанов, зашедших сюда полакомиться опавшими желудями. Если удастся добыть хотя бы одного из этих крупных животных, то мяса хватит на всю долгую и темную зиму. И Острый Рог, со свойственным ему энтузиазмом, без промедления взялся за дело.

Глава 3. Новое место

Для первого знакомства с новым местом, было решено полностью обследовать эту прекрасную липовую рощу. Острый Рог именно так и поступил, пройдя её из конца в конец, а затем и по периметру, внимательно рассматривая и запоминая все то, что могло бы ему здесь пригодиться. Это короткое путешествие дало человеку ряд существенных и немаловажных открытий. Так, например, в западной стороне рощи, под корнями поваленного дерева, он неожиданно для себя обнаружил заброшенную медвежью берлогу.

«Хозяин леса плохое место для зимовки не выберет!» – подумал Острый Рог и тут же решил, что если вдруг не найдет для себя ничего более подходящего, то все холодное время года он проведет именно здесь. Глубокая яма с набросанными в нее сучьями, конечно, нуждалась в модернизации, но это были уже сущие пустяки. Крышу можно сделать и не прибегая к топору, а стены здесь были уже практически готовы. Однако человеку все-таки хотелось чего-то лучшего. Например, чтобы его жилище было таким же теплым и уютным, как то, в котором он родился и вырос. Просторная полуземлянка с конусно установленными над нею шестами, обтянутыми оленьими шкурами, казалась ему теперь верхом совершенства. Небольшое отверстие вверху, через которое уходил дым костра, плотно закрывалось, и горячие, покрытые пеплом угли так разогревали помещение, что и в трескучие январские морозы здесь было жарко. Еще одним, не менее важным открытием, которому он первоначально не придал значения, была конопля. Старая, сохранившаяся еще с прошлой осени и прижатая к земле давно растаявшим снегом, она вряд ли привлекла бы внимание Острого Рога, если бы не одно обстоятельство, а именно, лежащие там же, такие же, как и она, старые прошлогодние желуди. Подбирая их, он непроизвольно ухватил пучок этой засохшей травы и, двигаясь дальше, все также непроизвольно ударял им по стволам встречающихся на пути деревьев. Неожиданно для себя юноша вдруг обнаружил, что кончики травы, которую он держал в руке, постепенно приобрели красивый волокнистый вид. Теперь они чем-то напоминали волнистые и мягкие волосы Ирис. Удивившись этому обстоятельству, он уже осмысленно и с интересом продолжал хвостать этим травяным пучком по твердой липовой древесине, и вскоре в руке у Острого Рога уже лежало светлое и мягкое волокно. Присев на кочку и предавшись грустным воспоминаниям, он попытался сплести из этого волокна косичку, и, как ни странно, эта попытка полностью увенчалась успехом. Острый Рог с грустью повесил ее на ближайшее дерево, и ему вдруг показалось, что за деревом стоит скромная красавица Ирис. Вот сейчас она выйдет из-за этого нехитрого укрытия и улыбнется своему бывшему другу и соседу. Но она не вышла ни сейчас, ни потом, и он знал, что этого никогда не случится.

Вечерело. Острый Рог, закончив предварительный осмотр рощи, наконец-то спустился к озеру. Спокойная, не потревоженная ветром, вода его казалась застывшей, и в ней отчетливо отражалось такое же спокойное и безоблачное небо. Он, как и в прошлый раз, набрал утиных яиц и, поднявшись по отлогому склону, вернулся в рощу. Ужин не занял много времени, и, скоро насытившись и отложив часть пищи про запас, Острый Рог начал готовиться к ночлегу. На этот раз он решил провести ночь на земле, хотя это было и опасно. Человек понимал, что незнакомое место могло таить в себе множество неприятных сюрпризов, однако спать на ветвях липы – это совсем не то, что ночевать на мягких еловых лапах. И жестко, и неудобно, да и к тому же, задремав, можно просто упасть с этого медоносного, но абсолютно не предназначенного для ночевки дерева. Решив, что из двух зол следует выбрать меньшее, он все-таки предпочел остаться на земле. Она была сухой и теплой, да и небо, судя по всему, сегодня не предвещало ненастья. Мягкая прошлогодняя трава, просушенная солнечными лучами, вполне подходила для приготовления подстилки, и скоро Острый Рог уже лежал в ее объятиях и смотрел на проступающие сквозь листья лип далекие ранние звезды. Они становились ярче, мно-

гочисленнее и вскоре заполнили все небо, с любопытством наблюдая со своей недоступной вышины за дремлющим в сумраке лесом. Затем звезды постепенно куда-то исчезли, и крепкий, здоровый сон, окутавший Острого Рога, окончательно вступил в свои права, и ни крик пойманного филином зайца, ни чьи-то осторожные шаги поблизости уже не смогли нарушить его ровного, спокойного течения.

Острый Рог проснулся. Утреннее небо, чистое и синее, с удивлением смотрело на него, словно укоряя за столь позднее пробуждение, а развивающееся чувство голода подсказывало, что пора встать и позавтракать. Оставшиеся от вчерашней трапезы утиные яйца пришлось бы сейчас как нельзя кстати. Он поднялся со своего теплого ложа и неторопливо двинулся к близстоящему пню, корням которого еще с вечера был доверен, пусть и не очень сытный, но достаточно вкусный завтрак. Однако большой и надежный с виду пенёк не оправдал возложенного на него доверия и сохранил лишь пустую скорлупу яиц, на которую сейчас можно было только смотреть, сокрушаясь и сожалея. Небольшой по размеру медвежий след явно выдавал виновника данного происшествия, да и сам он, по-видимому, не очень-то обеспокоенный присутствием человека, мирно сидел неподалеку и с интересом наблюдал за происходящим.

– Хозяин Леса! – сокрушенно произнес Острый Рог. – То дупло ему уступи, то пищей поделись! Хорошо еще меда не просит!

Однако эти, произнесенные им, слова, как ни странно, оказали на медвежонка определенное влияние, и он, еще раз таинственно взглянув на человека, неторопливо скрылся в зарослях орешника. Острый Рог, немного подождя и вновь спустился к уже знакомому Журавлиному озеру. На водной глади то тут, то там возникали и расходились круги. Рыба, пользуясь благоприятной погодой, играла, иногда полностью выпрыгивая из прозрачной воды, и все это было так красиво, что Острый Рог невольно залюбовался этим прекрасным зрелищем. Ему вспомнился вкус приправленного травами окуня, запеченного в глине, и от этого воспоминания чувство голода только усилилось. Конечно, если бы у человека была острога да огонь в костре, то вряд ли бы он ограничился этими утиными яйцами. К сожалению, сейчас руки его были пусты, да и надежда на сильную грозу, способную дать огонь, была весьма и весьма прозрачна. Небо было безоблачным, и погода, по всем приметам, меняться в ближайшее время не собиралась. Все это означало, что Острому Рогу вновь придется разыскивать по прибрежным кочкам свой незамысловатый и уже достаточно надоевший ему завтрак, обед и ужин. Он прекрасно понимал, что долго так продолжаться не может. У птиц скоро появятся птенцы. Они вырастут, встанут на крыло, и тогда человек уже окончательно лишится этого, пока еще доступного ему, источника пищи.

Необследованные утиные гнезда вскоре закончились, и Острому Рогу на этот раз пришлось уйти значительно дальше от места своего последнего ночлега. Восточный берег Журавлиного озера был низким, и человек справедливо надеялся, что там он обязательно найдет великое множество, ещё не опустошенных утиных гнезд, но не тут-то было. Поросшие травой, огромные зеленые кочки оказались совершенно пусты, и чем дальше Острый Рог шел на восток, тем понятнее становилось, что на этот раз он совершил грубую и непростительную ошибку. Нужно было это признать и немедленно возвращаться в оставленную им липовую рощу. Юноша так бы и поступил, но внезапно прибрежные кусты перед ним расступились, и Острый Рог оказался на берегу неизвестной ему протоки. Вода здесь была чистой, и, кроме рыб, в глубине её, отлично просматривалась огромная колония крупных двустворчатых моллюсков. Это была большая удача. В их стойбище такие моллюски всегда считались редким, изысканным лакомством, и далеко не каждый его соплеменник мог похвастать такой уникальной находкой за все долгое и теплое лето. Здесь же, на дне безымянной протоки, совсем недалеко от берега, их было великое и великое множество. Острый Рог, не раздумывая, бросился в воду протоки. Не прошло и получаса, как на отлогом, песчаном берегу её, уже лежали около

сотни больших и увесистых раковин. С отличной добычей, сопровождаемой таким же отличным настроением, он, уже не торопясь, вернулся в свою прекрасную липовую рощу.

Глава 4. Каменный огонь

Насытившись и немного отдохнув, Острый Рог, вновь отправился в путь. На этот раз ему предстояло найти осколок камня, пригодный для изготовления остроги. Конечно, его с легкостью могла бы заменить большая и твердая кость, но сейчас это было практически невозможно. Костей, в отличие от стойбища, здесь не было, а олений или лосиный рог, в этом бескрайнем чужом лесу найти ему так и не удалось. То ли лес был не очень привлекательным для этих крупных животных, то ли Острый Рог плохо искал столь нужный ему предмет, но так или иначе поиски не увенчались успехом. Пришлось, на время, оставить эту красивую, но несбыточную мечту и полностью сосредоточиться на обнаружении подходящего камня. Конечно, работы с ним будет больше, но в данной ситуации, это было единственно и правильное решение.

Берег озера, который ему удалось осмотреть, к сожалению, оказался пуст. Он был хотя и песчаным, но пригодных камней, здесь не было. Мелкие осколки минералов, в изобилии встречающиеся у самой воды, не могли служить наконечником, а два крупных упорно не хотели раскалываться. Иногда в скоплении небольших, малинового цвета, минералов он находил и невиданные им доселе прозрачные радужные кристаллы. Они переливались на солнце всеми цветами радуги и были настолько твердыми, что оставляли глубокие царапины на любом из найденных им камней. К сожалению, величина их не превышала и фаланги пальца. Встречались там и небольшие тяжелые самородки темно-серого цвета, которые ни по твердости, ни по размерам также не соответствовали будущему наконечнику. Единственным достоинством этих минералов, на которое Острый Рог обратил свое внимание, были искры, образуемые при их раскалывании. Набрав по пригоршне и тех и других, и захватив черные, не поддающиеся обработки, камни, он вновь вернулся на свою небольшую и уютную поляну. Было грустно осознавать, что его мечта сегодня так и осталась неосуществленной.

Пробуя в очередной раз отбить от непокорного минерала нужный ему осколок, Острый Рог ударил камнем по его неподатливой твердой поверхности и тут же замер от удивления. Из-под рук человека вырвался и мгновенно исчез огромный столб искр, хорошо различимый даже при ярком солнечном свете. Это произошло так внезапно, что от неожиданности пальцы Острого Рога разжались, и темно-серый самородок с обнаженной от удара красивой золотой сердцевинкой упал на землю. Острый Рог и раньше видел искры от удара камней друг о друга, но те были настолько слабы, что едва различались в темноте. Все усилия получить с их помощью огонь были тщетны, но в этот раз все было по-иному. Теперь они отчетливо напоминали разлетающиеся искры костра, на который вдруг неожиданно подул свежий утренний ветер.

Страх перед неизвестным предостерегал человека от дальнейшего продолжения эксперимента, но любопытство оказалось сильнее. Осторожно, словно ядовитую змею, он поднял только что выпавший из рук его камень, и вновь нанес им скользящий удар по булыжнику. И вновь множество искр вырвалось из-под этого невзрачного на вид минерала, а в воздухе тут же почувствовался знакомый и терпкий запах серы. Острый Рог, каким-то внутренним чутьем уже осознавая, что стоит на пороге очень важного для него открытия, решил попытаться получить настоящий огонь при помощи этого странного, темно-серого камня. Поднявшись с земли, он тщательно обследовал близлежащие гнезда птиц, обитающих в липовой роще, и вскоре набрал небольшую пригоршню пуха. Береста и тонкая сухая трава, которой он впоследствии обернул этот пух, полностью соответствовали достижению поставленной цели. Камень, с обнаженной золотой сердцевинкой, был со всей осторожностью погружен в пух изготовленного им тампона. Острый Рог, затаив дыхание, вновь, с силой, ударил им по булыжнику и, как только вспыхнули искры, начал, изо всех сил, дуть на мягкий, пуховый шарик. Вскоре из глубины тампона появился слабый и робкий дымок. Он постепенно усилился, и вскоре сквозь него уже начали медленно проступать яркие красные точки. Острый Рог дул не переставая. Постепенно

красные точки слились в сплошное рубиновое пятно, и маленькое робкое пламя, словно стесняясь своего появления, вспыхнуло и, на миг пропав, вдруг вновь разрослось и полностью охватило приманку. Пальцы человека инстинктивно разжались, и искрящийся огненный клубок стремительно упал на землю и сгорел прежде, чем Острый Рог понял, что здесь произошло. Он словно оцепенел. Дыхание человека замерло, и только яростная пульсация крови в висках говорила о том, что это был не сон. Это был огонь! Настоящий горячий огонь, полученный им не от зажженного грозюю дерева, а от обычного серого камня! Мечта, неожиданно ставшая реальностью, и обрадовала, и напугала Острого Рога. Наконец, взбудораженный разум его успокоился и, все еще не вполне доверяя тому, что случилось, Острый Рог, словно во сне, вновь изготовил мягкий пуховой тампон, принес охапку сухих ветвей и сложил их рядом с булыжником. Пламя, как и в прошлый раз, с радостью поглотило свою добычу. Сухие ветки вспыхнули, и огонь, треща и разбрасывая искры, уверенно рванулся в небо. От сомнений не осталось и следа. Каменный огонь был реальностью и, образуя созвездия пылающих углей, теперь радостно прыгал по веткам, а вместе с ним у костра с восторженными криками прыгал и Острый Рог, исполняя какой-то, известный только ему, танец безмерного счастья и торжества. У него был огонь, и этот огонь полностью ему повиновался. Теперь уже не нужно будет постоянно подкармливать его древесиной и опасаться, что однажды это пламя погаснет. Именно так и случилось в их стойбище несколько лет назад. Талая мартовская вода, с неожиданным коварством появившаяся из-под еще белоснежных сугробов, в какое-то мгновение превратила пылающий священный костер в грудку мокрых дымящихся головней и навсегда лишила его матери. Хранительница огня, многие годы исправно выполнявшая возложенные на нее обязанности, вынуждена была покинуть родное стойбище, так как, видимо, чем-то прогневала духов и те, в отместку, отняли у нее огонь. Тогда от холода умерли многие, и только ранняя майская гроза, давшая людям новый огонь, позволила сохранить жизни оставшимся обитателям этого стойбища. Теперь хранительницей огня была Ирис, и вполне возможно, что в дальнейшем и ее постигнет та же печальная участь. Эти воспоминания немного ослабили радость человека, но, постепенно успокоившись, Острый Рог остановился и неторопливо присел к костру. Мысли, хаотично роящиеся в его сознании, со временем приобрели определенную направленность и уверенно сосредоточились на настоящем. Наличие каменного огня давало неоспоримый шанс не только выжить в суровые зимние холода, но и вселяло маленькую, почти нереальную надежду вернуться в родное стойбище. Острый Рог уже мысленно представил себе, сколько радости принесло бы близким ему людям это теплое рукотворное пламя. Как восхищалась бы Ирис, глядя на него, повелителя каменного огня, вызывающего жаркие языки пламени из недр обычного серого камня. Рукотворный огонь сделал бы его обладателя самым почитаемым человеком их племени, а со временем, может быть, даже и вождем. Духи явно покровительствовали ему, и с этим нельзя было не согласиться.

Костер догорел и погас. Острый Рог поднялся и, погасив кое-где еще тлевшие угли, что еще месяц назад выглядело бы ужасным кошунством, принялся вновь внимательно осматривать уже знакомую ему поляну. Мечта о собственном зимнем жилище теперь окончательно обрела очертания реальности и на многие дни завладела и мыслями, и делами этого одинокого, но не отчаявшегося в своем одиночестве человека. Грядущие трудности не пугали его, и Острый Рог немедленно приступил к воплощению своей мечты, еще вчера казавшейся ему совершенно абсурдной и нереальной.

Глава 5. Важные находки

Промерив шагами понравившуюся ему поляну, Острый Рог старательно прочертил на земле контуры своего будущего жилища. Оно должно было быть не только теплым, но и просторным, а поэтому требовало более чем основательного подхода к его постройке. Выкопанная в песке яма с конусно установленными над нею шестами и покрытая шкурами оленей, конечно, давала возможность сохранять тепло, но имела также и ряд существенных недостатков. Иногда весной, когда под лучами, не по сезону жаркого апрельского солнца, снежные сугробы начинали постепенно темнеть, в жилище появлялась вода. Тонкие струйки ее медленно и незаметно стекали на пол, проникая под мягкие звериные шкуры, и безвозвратно губили, уже немногочисленные, оставшиеся после зимы, продукты. Люди, пригоршнями и берестяными туесками, выплескивали ее за порог, но все было тщетно. Пол постепенно превращался в холодное грязное месиво и уже не мог, как прежде, служить им местом уютного ночлега. Очаг постоянно гас, и всевозможные болезни, словно воспользовавшись этим событием, беспрепятственно проникали в жилище, коверкая и унося жизни наиболее слабых его обитателей. Все это, в конечном итоге, не очень-то и устраивало Острого Рога, однако другой, более надежной конструкции он просто не знал. Конечно, в отвесном берегу можно было бы выкопать и хорошую пещеру, но здесь не было отвесного берега, да и копать, собственно говоря, было пока ещё нечем.

Решение пришло неожиданно. Он вспомнил обычный, ничем не примечательный на вид муравейник. Насекомые, построившие его, видимо, не случайно возвели свой дом над землей, и никакие морозы и паводки не нарушали их спокойствия на протяжении многих и многих лет. Это означало, что можно попытаться построить и для себя что-то подобное этому муравейнику. Не вдаваясь в подробности жизни этих трудолюбивых и дружных насекомых, Острый Рог уже окончательно решил возвести, необычное по тем временам, крепкое деревянное жилище. Предполагалось, что параметры его, как по ширине, так и по длине, должны были составить не менее пяти шагов. Стены, выполненные из уложенных друг на друга крепких смолистых бревен, с наклоном к центру, должны были образовать невысокую, усеченную пирамиду, верхним основанием которой являлся бы небольшой по величине потолок. Такая конструкция не будет мешать дыму беспрепятственно покидать это помещение, а человеку – свободно перемещаться внутри своего жилища. Слой глины с наружной стороны постройки, также мог бы стать надежной гарантией от дождей и зимних морозов, и тогда уже ни шальной ветер, ни коварный лесной пожар не смогли бы существенно повлиять на дальнейшую жизнь человека. На этой конструкции и решено было остановиться.

Первая трудность, с которой пришлось столкнуться Острому Рогу, было полное отсутствие в его роще упавших, но пригодных для строительства деревьев. Липы, окружавшие выбранную им поляну, стояли твердо и в ближайшее время падать не собирались. Небольшая дубовая роща также не порадовала столь желанным ему сейчас буреломом, и только на северо-востоке, на краю небольшого, заболоченного озера, он обнаружил множество недавно поваленных елей. Сильный ветер, прилетевший со стороны Черного ручья, словно заботясь об Остром Роге, аккуратно уложил их комлями в сторону его поляны, сэкономив тем самым значительное время для предстоящей постройки жилья. Судьба и в этот раз ему явно благоволила.

«Духи Черного ручья простили меня!» – подумал Острый Рог, и на душе у него от этой мысли стало вдруг как-то легко и спокойно. Ведь вряд ли можно было объяснить простым совпадением и полученный им каменный огонь, и уложенные, словно приготовленные к транспортировке стволы елей, и многие другие, хотя и менее значимые события, произошедшие с ним за последнее время.

Острый Рог сел на поваленное дерево, и мысли человека постепенно сосредоточились на приобретении необходимых ему инструментов для обработки и перемещения бревен. В их

стойбище были два приличных каменных топора, вполне пригодных для сбивания не слишком больших сучьев. Для изготовления им подобных, необходимо было иметь, как минимум, увесистый, поддающийся скалыванию, кремневый минерал и прочный кожаный ремень, изготовленный из кожи убитого зубра. Из этого, хотя и очень неприхотливого набора у Острого Рога не было ничего. Он знал, что нужные ему камни следует искать только на берегу ручья и именно так и он поступил. Немного отдохнув, юноша решил обойти лежавший перед ним водоем в надежде обнаружить протоку, которая и могла бы указать ему путь к ручью. Подойдя к воде, он двинулся по низине вправо и вскоре действительно обнаружил небольшой ручеек, выбегающий из озера на север. Противоположный берег его был достаточно высоким и чем-то отдаленно напоминал горб огромного зубра. Ручеек огибал его и, пробежав еще немного по заросшей ольхой низине, впадал в уже приличный водный поток, идущий с юго-востока на северо-запад. Видимо, это и был тот самый ручей, что вытекал из озера, у которого он впервые познакомился с медвежонком. Однако здесь, несмотря на самые тщательные поиски, пригодных камней, найти так и не удалось. Удрученный этим обстоятельством, Острый Рог продолжил свой путь вниз по течению ручья. Петляя меж корней огромных вековых елей, ручей становился глубже, полноводнее, и вот уже на дне этого водного потока начали появляться камни. Их становилось все больше и больше, и, наконец, в самом устье, где вода замедляла свой бег, столкнувшись с не менее мощным, левым потоком, юноша, наконец, обнаружил целую россыпь разноцветных осколков кремня. Синие, красные, белые, словно выйдя из воды погреться в лучах теплого майского солнца, они безмятежно лежали на обширной песчаной отмели и словно ждали нуждающегося в них человека. Острый Рог осмотрел их и остался доволен столь необходимой ему находкой. Он выбрал несколько из наиболее подходящих ему минералов и тут же попытался придать им соответствующую форму. Камни прекрасно откалывались при ударе, и Острый Рог так увлекся этим занятием, что даже и не заметил, как стемнело. Решив не возвращаться в этот раз на липовую поляну, чтобы с самого утра продолжить начатую работу, он перебрался на противоположный, высокий левый берег ручья и стал готовиться к ночлегу. Место, выбранное им, удивительным образом напоминало первый земляной горб. Солидный холм и редкие сосны, нависшие над местом слияния двух ручьев, вполне соответствовали более чем непритязательным требованиям Острого Рога. Почва здесь, как и в липовой роще, была сухой и теплой. Набрав охапку прошлогодней травы, которая в изобилии имелаась по берегам обоих ручьев, он приготовил себе подстилку и, используя взятый с собой огненный камень, разжег костер.

Спать не хотелось. Острый Рог сидел у огня и молча смотрел на желтые искры, улетающие к темному звездному небу, размышляя о том, чем бы ему утолить свой голод. Увлеченный обработкой камней, он совершенно забыл о своем желудке и сейчас этот желудок настойчиво напоминал о себе. Чтобы отвлечься от этих назойливых напоминаний, Острый Рог стал смотреть на небо. На какое-то мгновение оно вдруг неожиданно потемнело. Быстрая тень, закрыв собою мерцающие над головой звезды, бесшумно скользнула над вершинами деревьев и тут же исчезла.

«Сова!»

Он хорошо знал эту большую ночную птицу и даже где-то в глубине души завидовал ее удивительной способности отчетливо видеть в темноте.

Костер медленно догорал. Веки стали тяжелыми и скоро сомкнулись, оставив Острого Рога во власти быстро чередующихся сновидений. Последнее, что он успел запомнить, был огромный, жарящийся над костром кусок сочного кабаньего мяса. Разогретое сало скатывалось с него в огонь и аппетитно скворчало. Внезапно в сон человека вмешались какие-то посторонние звуки. Острый Рог открыл глаза и настороженно прислушался. У ручья, который и привел его в это прекрасное место, сначала послышался едва различимый шорох, а затем и раздалось чье-то негромкое хрюканье. Присмотревшись внимательнее, юноша увидел небольшое семей-

ство кабанов, деловито ищущих что-то в прибрежной тине. Предутренняя луна освещала их тучные тела и, если бы у Острого Рога было копье, то сон его мог бы стать явью. Он сидел на своей подстилке и ждал, когда окончательно рассветет.

Солнце стояло уже в зените, когда Острый Рог наконец закончил свою работу. Кремневый, длиною в полторы кисти его руки, наконечник копья и увесистый, по всем правилам сколотый камень для топора были готовы. Готов был и наконечник для остроги. Он выглядел великолепно. Теперь осталось лишь только тщательно закрепить его растопленной смолой на древке. Сухой и достаточно тонкий шест нашелся сравнительно быстро, а вот со смолой пришлось изрядно повозиться. Найти и наскрести ее с разлапистой ели – это только полдела. Нужно было каким-то образом ещё и разогреть этот липкий комок на костре, да так, чтобы он не сгорел, а только расплавился. Затем удачно наложить смазанную им плоскую часть наконечника на специально подготовленное древко, плотно прижать их друг к другу и остудить. Только тогда получится надежная и столь необходимая ему острога. И она, действительно, получилась.

Солнце еще не успело коснуться вершин деревьев, а Острый Рог, с острогой в одной руке и с заготовками в другой, не обращая внимания на мучивший его голод, уже уверенно шагал вверх по течению нового, бежавшего с юго-востока ручья. Предполагалось, что этот водный поток брал свое начало из того самого Журавлиного озера, с которым он познакомился ранее. Так оно и оказалось. Встретив на своем пути еще один ручеек, вытекающий из уже известного, заболоченного водоема, Острый Рог действительно вышел к Журавлиному озеру.

Солнце уже садилось, когда он заколол своей новой острогой довольно приличную щуку и, обрадованный добычей, не торопясь двинулся в сторону облюбованной им поляны.

Вечерний сумрак постепенно сгущался. Подойдя к кострищу, Острый Рог аккуратно сложил все принесенное с собой имущество и снова спустился к озеру за мокрой глиной. Затем, набрав достаточное количество веток, он неторопливо разжег костер и закопал под него уже обмазанную глиною щуку.

Ночь полностью вступила в свои права, когда Острый Рог осторожно разгреб подернутые пеплом, угли и выкопал из-под них ещё горячий глиняный комок. Разломив его пополам, он тут же почувствовал удивительный, ни с чем не сравнимый запах печеной рыбы и, едва сдерживая себя, стал осторожно, кусок за куском, отламывать и класть в рот этот шедевр настоящего кулинарного искусства. Щука была большая, но юноша, изголодавшись, съел ее всю, до последнего плавника. Наконец насытившись, Острый Рог добрался до своей подстилки и проспал до утра без всяких, лишних, сновидений.

Глава 6. Топор и копье

Ключья утреннего тумана давно уже растворились в прохладном и чистом воздухе, когда Острый Рог вновь открыл глаза. Костер давно погас, рыба оказалась съеденной, но настроение у человека было более чем прекрасным. Он поднялся со своего ложа и неторопливо, начал собирать хворост, одновременно обдумывая все возможные варианты крепления копья и топора. Топор был ему сейчас более необходим, и поэтому все мысли Острого Рога постепенно сосредоточились именно на нем.

В их стойбище, как уже упоминалось ранее, были два прекрасных кремневых топора, каждый из которых представлял собой специально подобранный обломок твердого камня, прикрепленный к рукоятке добротным, кожаным ремнем. Это были надежные орудия труда и без них не обходилась ни одна серьезная стройка. Для жителей стойбища они всегда представляли огромную материальную ценность и поэтому пользоваться такими предметами, доверять им далеко не каждому человеку. Именно такой топор и пытался сделать Острый Рог из принесенного им, крупного осколка минерала.

Приличная охапка сухих веток уже лежала рядом с кострищем, когда юноша, все-таки решив ее немного дополнить, в очередной раз отправился в рощу. Теперь он зашел значительно дальше от своей поляны, надеясь обнаружить там приличные запасы хвороста, так необходимые ему для дальнейшей и трудной работы.

Вот и знакомый дуб, у корней которого он еще совсем недавно собирал желуди, и сплетенная им косичка, все так же, как и прежде, висят на дереве неподалеку. Снова вспомнилась Ирис, но мысли о ней вдруг прервались и вновь вернулись к косичке. Вздурораженное сознание его фиксировало для себя что-то очень важное.

«Да как же я раньше не догадался?! Ведь эта косичка не только не уступит, но и многократно превзойдет по прочности любой кожаный ремень!» – мысленно воскликнул Острый Рог и, оставив сбор хвороста, немедленно приступил к заготовке конопли. Прошлогодние стебли ее теперь были едва различимы на фоне молодой травы, и, опоздай он еще хотя бы на неделю, мечта о копье и топоре, возможно, так и осталась бы несбыточной мечтой человека. Сейчас все складывалось по-иному. Сероватые длинные стебли постепенно собирались в пучки, те, в свою очередь, становились охапками, и к вечеру высокие копны этих волокнистых и нужных растений уже возвышались на краю знакомой ему поляны. Раскладывать коноплю на просушку уже не было сил, но Острый Рог, преодолевая усталость, все-таки заставил себя спуститься к Журавлиному озеру и вытащить из воды несколько приличных лещей. Пойманная рыба вскоре утолила его голод и на следующее утро, выспавшийся и отдохнувший, человек вновь принялся за работу.

Тонкий слой уложенных полосами растений постепенно покрыл не только свою, но и соседнюю с ней поляну, изменив до неузнаваемости, знакомый и понятный пейзаж. Весь день солнце своими жаркими лучами сушило эту, столь необходимую Острому Рогу траву, а сам он занимался сначала поиском, а затем и обработкой будущих, дубовых рукояток. На это ушел весь день, пролетевший так незаметно, будто бы он был вдвое короче прошедшего, и казалось, что именно из-за этого человеку так и не удалось закончить свою работу.

Справа от Журавлиного озера, если спуститься к нему со стороны липовой рощи, рос густой и еловый лес. На следующий день, еще до восхода солнца, Острый Рог уже бродил меж его мощных, покрытых бурой корой стволов и кремневым скребком соскабливал липкую смолу. Набрав довольно приличный комок, он по знакомому ручью вышел к Журавлиному озеру и, накопив там вязкой синей глины, вернулся на свою поляну. Солнце уже выглянуло из-за вершин деревьев, и нужно было торопиться. По технологии, разработанной еще его предками, необходимо было место соединения сначала залить горячей смолой, а затем

крепко-накрепко прижать и прикрутить ремнем каменный наконечник к деревянной рукоятке. Вербку, как альтернативный вариант ремня, Острый Рог надеялся сплести уже к вечеру, когда солнце окончательно просушит расстеленную коноплю, а сейчас нужно было немедленно приступить к изготовлению горшка для разогрева имеющейся у него смолы. Это было совсем нетрудно, и в его стойбище такую работу умел делать каждый. Нужно было только вылепить из глины, смешанной с песком в определенной пропорции, необходимую по величине емкость и тщательно просушить ее на солнце. Когда изделие просохнет, следует положить его в огонь и греть до тех пор, пока оно не приобретет тот же цвет, что и угли горящего костра. Казалось, что простота изготовления и наличие всех необходимых компонентов позволят быстро закончить эту несложную работу, но не тут-то было. Синяя глина, как оказалось, существенно отличается от желтой, и Острый Рог долго возился, смешивая ее с песком, прежде чем получил долгожданный и обнадеживающий результат. Теперь горшок стоял на поляне и медленно просыхал, подставляя при посредничестве изготовителя то один, то другой бок горячему майскому солнцу. Конечно, для будущего хозяйства были бы необходимы и еще несколько таких горшков, но заниматься их изготовлением сейчас, просто не было времени. Поэтому, отложив последующие гончарные работы на будущее, он поспешил к соседней поляне, где еще со вчерашнего дня сушилась столь необходимая ему конопля.

Увиденное Острым Рогом зрелище и обескуражило, и рассмешило его. По поляне, по столь драгоценной для него конопле, бесстрашно бродил уже знакомый ему медвежонок и интенсивно разбрасывал аккуратн уложенные для просушки серые стебли растений.

«Тоже мне помощник нашелся! – возмущенно подумал Острый Рог, но тут же улыбнулся. – Лучше бы за медом слазил, а с коноплей то я уж как-нибудь сам разберусь, без твоей, медвежьей, помощи. Эту траву действительно пора ворошить, но как-то это у тебя получается очень и очень неуклюже!»

Громкое хлопанье в ладоши отвлекло медвежонка от столь увлекательного занятия, и он, недовольно взглянув на человека, нехотя побрел в лес, постоянно оглядываясь, словно надеясь, что Острый Рог уйдет, а он с прежним интересом продолжит свою игру. Однако Острый Рог не уходил, и косолапый, бросив последний, недовольный взгляд на человека, неторопливо скрылся за деревьями.

– Иди, иди! Там, где-то муравейник есть: давно ты в нем не копался! – вслух произнес Острый Рог, но от этих слов ему вдруг стало грустно. Видимо оттого, что медвежонок был тем единственным существом, с которым здесь можно было поговорить, хотя и в одностороннем порядке.

Поворошив, а точнее, поправив разбросанную медвежонком коноплю, он набрал немного окончательно просохших, готовых к обработке стеблей и, чтобы не терять время, тут же приступил к изготовлению волокна.

В первую очередь ему было необходимо найти или изготовить приспособление, с помощью которого можно будет впоследствии хвостать эти серые прошлогодние стебли, что он и сделал, после непродолжительной, но довольно трудной работы. Два добротных дубовых сука, с рогатинами на концах, были основательно воткнуты в землю и соединены между собой не менее добротным шестом из такого же крепкого дубового материала. Теперь элементарное трепальное устройство было полностью готово к работе. Не прошло и полчаса, как имеющийся запас конопли неожиданно подошел к концу. Перед Острым Рогом теперь лежало мягкое и пушистое волокно, которое он тут же закрепил на ближайшем пне и стал старательно превращать его в нитки. Пряжа была грубой и неровной, но это несколько не смущало человека. Главным критерием все же являлась её длина и прочность, а что до внешнего вида, то это было уже не важно, тем более что он и не знал, как она должна была выглядеть при правильной обработке. Работа оказалась нудной и кропотливой, однако благодаря своей усидчивости и неумному желанию как можно быстрее иметь копье и топор, Острый Рог уже к вечеру закон-

чил этот первый, и, наверное, самый трудный этап нового, технологического процесса. Теперь из полученной им пряжи необходимо было сплести тонкие длинные косички, что удалось ему сделать довольно быстро. Не успело еще и окончательно стемнеть, как в руках у человека уже была длинная и крепкая веревка, вполне достаточная для изготовления копья. Он повесил ее на дерево и долго, с гордостью за самого себя, любовался полученным результатом, придумывая все новые и новые варианты возможного использования столь необходимого в хозяйстве предмета. Увлечшись новым делом, юноша совершенно забыл об еще одной, не менее важной, но так и не законченной им работе. Глиняный горшок, уже давно просохший на солнце и чисто случайно оказавшийся теперь в поле зрения Острого Рога, поубавил уровень гордости последнего и заставил немедленно разжечь огонь. Горшок, установленный в самом центре костра, постепенно краснел и только где-то под утро приобрел цвет настоящего раскаленного угля, что говорило об окончательной готовности этого, теперь уже прочного, глиняного изделия. Засыпая, человек так и оставил его в гаснущем костре для постепенного охлаждения, чтобы, проснувшись, наполнить эту емкость, приготовленной ранее, смолой.

Короткая майская ночь закончилась. Догоревший костер, обнажив свои потухшие черные угли, уже не дымил, однако глиняный горшок был еще теплым. Острый Рог поднялся и принялся за работу. Ему пришлось вновь пойти в лес, набрать необходимое количество хвороста и, разведя новое пламя, ждать, пока угли снова станут красными, а уже затем ставить на них свое глиняное изделие, предварительно наполнив его смолой. Вскоре она расплавилась и закипела. Острый Рог взял древко копья, окунул его одним концом в смолу и приложил к нему тяжелый каменный наконечник. Конопляная веревка многократно и крепко обвила место соединения двух предметов и замерла, приклеившись к просмоленному древку. Копье было фактически готово, и ему оставалось лишь только остыть для полного отвердения смолы. Острый Рог поставил его в тень дерева и вплотную занялся топором. Прежде всего, необходимо было изготовить новую конопляную веревку, так как старая, вчерашняя, полностью была израсходована, и поэтому он вновь принялся за знакомое ему дело. Это заняло весь день, и только лишь к вечеру, когда уже звезды полностью завладели потемневшим небом, топор был окончательно готов. Теперь он полностью был похож на те каменно-деревянные изделия, которыми до сих пор пользовались люди его стойбища, и Острый Рог прекрасно знал, как следует обращаться с этим тяжелым и острым предметом. Конструкция изготовленного им топора была удивительно похожа на большой гриб с крупной коричневой шляпкой, роль которой выполняла прочная кремневая пластина, а ножкой служило твердое дубовое топорище. Теперь, являясь обладателем столь необходимых ему предметов, он был по-настоящему счастлив и спокоен. Острый Рог понимал, что одинокий, да к тому же и безоружный человек в лесу обязательно станет чьей-то легкой и желанной добычей, и все эти дни надеялся лишь на удачу, да свой, не очень-то внушительный жизненный опыт. Теперь все изменилось. Из потенциальной, легкой добычи, Острый Рог неожиданно для себя, уже сам превратился в серьезного и вооруженного охотника. Изготовленное с таким старанием копье, теперь не только сможет защитить человека от всевозможных хищников, но и самому позволит удачно охотиться на этих коварных и сильных животных. Тяжелый каменный топор даст возможность человеку построить для себя надежное и теплое жилье, которое полностью оградит его не только от холода и дождя, но и от любого нежелательного контакта с этой непредсказуемой окружающей средой. С этими счастливыми мыслями Острый Рог незаметно для самого себя и уснул на своей мягкой и теплой подстилке.

Глава 7. Дождь

Высокая стройная береза дрогнула и стала медленно клониться к земле, уверенно подминая под себя более мелкую, молодую поросль. Каменный топор еще раз, с силой, ударил по стволу и окончательно отделил его от корневища. Острый Рог разогнулся, и тыльной стороной ладони вытер пот со лба. Полуденное солнце жгло невыносимо, однако работа продолжалась. Три десятка отличных шестов, очищенных от сучьев и с обрубленными макушками, уже лежали на краю поляны, отчетливо выделяясь своей белоснежной корой на фоне зеленой травы. Теперь их было вполне достаточно для сооружения временного летнего жилища. Оставалось лишь установить эти шесты конусом и покрыть слоем еловых веток так, чтобы ни дождь, ни ветер не смогли проникнуть внутрь этой постройки.

Мысль о строительстве такого вида сооружения, способного послужить ему временным убежищем в летнее время, возникла давно. Острый Рог понимал, что хорошая солнечная погода не может длиться вечно и рано или поздно ему все-таки придется где-то укрываться от непогоды до тех пор, пока не будет закончено основное, капитальное строительство. Конопля, уже полностью просохшая, также требовала соответствующего хранения, да и самому ему было бы намного уютнее ночевать в добротном, зеленом шалаше, а не под открытым небом, сложив в него свой немногочисленный, но жизненно важный скарб.

К полудню березовый остов уже уверенно возвышался над поляной, и для завершения постройки оставалось лишь только основательно покрыть его лапником. В этот раз Острый Рог решил отправиться за ним на левый берег Журавлиного озера, где издавлек он видел прекрасные еловые заросли, спускающиеся к самой воде. Путь этот был ненамного длиннее, чем в сторону того заболоченного озера, за которым находился первый земляной горб, да и желание обследовать еще неизвестную ему территорию выглядело очень заманчиво. Поэтому, немного передохнув и взяв с собой топор, он неторопливым шагом двинулся на запад и вскоре спустился в низину с небольшим ручейком, впадающим в Журавлиное озеро. Преодолев это препятствие, человек оказался на возвышенности, которая по красоте и обилию растительного мира ничем не уступала тому месту, где он еще совсем недавно решил обосноваться. Огромные заросли лещины казались бесконечными, и не нужно было обладать большой фантазией, чтобы представить, сколько орехов здесь можно будет собрать осенью. Этого урожая вполне бы хватило для того, чтобы прокормить всех жителей их стойбища, даже при условии, что они круглый год будут питаться исключительно этими полезными и вкусными плодами. Кусты ирги, также довольно часто встречающиеся здесь, хотя и не могли служить серьезным источником питания, однако, как приятно жарким летним днем положить в рот эти темно-красные, отдающие синевой ягоды, ощутив их, ни с чем не сравнимый, сладкий и немного терпкий вкус. Небольшие по размерам поляны, расположенные к западу от Журавлиного озера, были сплошь покрыты малинником, а с северо-восточной стороны землю укрывал прекрасный вечнозеленый ковер, спускавшийся к самой воде.

Встречающиеся повсюду, темно-зеленые кусты брусники говорили о том, что ещё до наступления осени здесь появятся и многочисленные тетеревиные стаи. Охота на дичь обещала быть удачной, а это, в свою очередь, означало, что холодной и долгой зимой можно будет иногда полакомиться их вкусным и нежным мясом. И еще: на самой возвышенности он обнаружил никогда не виданные им деревья, которые Острый Рог сначала принял за сосны, но они не были таковыми. Огромные прошлогодние шишки, найденные у их корней, полностью подтверждали это неожиданное для него открытие. Двигаясь далее, на запад, Острый Рог заметил небольшой ручеек, текущий со стороны Черного ручья. Пролодав свой недолгий путь, он незаметно впадал в более глубокий и полноводный поток, стремящийся в сторону уже известного, Журавлиного озера. По берегам его, сплошь покрытым кустарником, буйно росли костяника, голубика

и колкий, но полезный шиповник. В определенное время года здесь, судя по всему, растет и великое множество грибов, которые можно будет, в дальнейшем, включить в свое собственное, хотя и не очень разнообразное, меню. Казалось, место, которое он только что обследовал, содержало все известные блага, дарованные природой человеку. Острый Рог, в очередной раз мысленно поблагодарив духов Черного ручья, в прекрасном настроении вернулся на свою поляну с охапкой зеленых, еловых веток. К сожалению, их оказалось явно недостаточно, и ему пришлось еще неоднократно посещать это прекрасное место, прежде чем работа наконец была полностью завершена. Закат солнца Острый Рог наблюдал, уже стоя у готового шалаша. Теперь перемена погоды больше не пугала его, да и значительно спокойнее было спать под плотной зеленой крышей, ощущая собственную, хотя и виртуальную, защищенность от внешнего мира.

Следующие несколько дней ушли на выделку конопли. С рассвета до заката похожая на крупную пыль серая костра постоянно клубилась в воздухе и медленно, словно нехотя, оседала на теплую землю. Порывы ветра подхватывали ее и разносили по всей поляне, придавая молодой, изумрудно-зеленой траве своеобразный сероватый оттенок. Количество мягкого светлого волокна, заботливо складываемого в новом временном жилище, постепенно росло и наконец почти целиком заполнило весь шалаш. Острый Рог облегченно вздохнул и торжествуя посмотрел на небо. На этот раз оно уже не было таким безоблачным, как несколько дней назад. Тяжелые свинцовые облака медленно плыли над вершинами деревьев, и было абсолютно ясно, что дождя уже не миновать. Ветер постепенно усиливался, и ночью, сквозь сон, Острый Рог слышал, как первые тяжелые капли ударили по еловой крыше его жилища, но, не проникнув внутрь, отскочили, а затем медленно стекли вниз по надежному и плотному лапнику. К утру дождь усилился. Равномерный, убаюкивающий, шорох падающих капель словно преднамеренно продлевал сон, уставшего от повседневных забот, человека. Острый Рог, сам того не замечая, в это раз проспал до самого обеда. Выходить из убежища в такую погоду не хотелось, но голод настойчиво напоминал о себе. Захватив острогу, он решительно выбрался из своего уютного жилища и отправился к озеру в надежде добыть там уже привычную ему пищу.

Журавлиное озеро потемнело, и небольшая рябь, вызванная юго-западным ветром, была отчетливо видна на всем его пространстве. Рыба уже не плескалась, как это было еще совсем недавно, и даже утки, словно напуганные ненастьем, куда-то исчезли с его волнистой водной поверхности. Простояв понапрасну у знакомой заводи, юноша медленно побрел вдоль берега в надежде, что и в этот раз ему немного повезет. К счастью, он не ошибся. На мокром песке, шагах в тридцати от того места, где Острый Рог ранее промышлял острогой, он с удивлением обнаружил нескольких болотных черепах. Видимо, сложившаяся погода их не пугала, и дождь, стучащий по панцирям, только бодрил эти редкие и неуклюжие создания. Подобрал их, Острый Рог вернулся в свой шалаш, и весь оставшийся день посвятил изготовлению пряжи.

Второй и третий день были заняты той же работой. Неровные, но прочные нитки постепенно сматывались в клубки, и к исходу четвертого дня эти светлые, мягкие шары уже степенно лежали под крышей построенного им жилища. Для завершения основной части работы теперь было необходимо сплести из них тонкие и крепкие веревки, которые в дальнейшем, по мере необходимости, могут пойти на изготовление длинных и прочных канатов, столь необходимых в каждом приличном хозяйстве. Дождливая погода еще не закончилась, и плетение конопляных веревок не сильно отвлекало Острого Рога от других занятий, а иногда даже делало его и участником новых интересных событий.

Однажды, уже под вечер, когда дождь усилился и превратился в сплошной, бушующий ливень, он в очередной раз решил испытать свое счастье и полакомиться медом. Погода вполне соответствовала такой затее, и поэтому, взобравшись на давно присмотренную им сухую липу, он сунул мокрую от дождя руку в дупло и, схватив, что смог, быстро вытащил ее обратно вместе с содержимым. Пчелы, не ожидавшие такой наглости, ограничились лишь несколькими укусами, но преследовать грабителя не решились, принимая во внимание сложившиеся

метеорологические условия. Таким образом, Острый Рог, почти не пострадавший в схватке с насекомыми, стал полноправным обладателем увесистого куса сот, наполненного до краев вкуснейшим и сладким медом. Однако, на этом медовое приключение не закончилось. На следующий день, когда дождь ненадолго стих и в разрыве туч вновь показалось солнце, чуткий слух человека уловил снаружи какой-то шорох. Острый Рог выглянул из шалаша и, затаив дыхание, замер. Под липой, где еще вчера он так удачно разжился медом, деловито бродил знакомый медвежонок и что-то увлеченно разыскивал в примятой им траве. Затем, видимо, не найдя достаточного количества меда, он поднял голову и стал принохиваться. Из дупла, где Острый Рог недавно уже похозяйничал, устойчиво доносился завораживающий запах его любимого, но пока ещё недоступного, лакомства. Не в силах противостоять этому соблазну, медвежонок стал неуклюже карабкаться по стволу, все ближе и ближе подбираясь к, так манившему его, отверстию. Наконец, косолапому это удалось, и нос его тут же оказался в дупле. Пчелы, еще не забывшие о вчерашнем происшествии, дружно взлетели и с характерным жужжанием опустились на проникшее к ним в дупло инородное тело. Медвежонок рывкнул от боли и, моментально достигнув земли, с громким визгом бросился в сторону Журавлиного озера. Пчелы, пользуясь летной погодой, дружно последовали за ним, но скоро вернулись, охладив свой пыл водными брызгами, интенсивно вылетающими из-под лап обезумевшего от страха и боли медвежонка. Острый Рог, наблюдая эту картину, смеялся так, как не смеялся никогда в жизни. Соты с медом ему все-таки пришлось поместить в горшок, который он, к счастью, успел сделать еще до начала дождя. Прикрыв большим лопухом, он повесил его на дерево с таким расчетом, чтобы медвежонок, при всем желании, не смог до него добраться.

Второй, хорошо запомнившийся ему, случай произошел за день до окончания дождливой погоды. Острый Рог сидел в шалаше и плел очередную конопляную веревку, когда вдруг где-то неподалеку раздался глухой, леденящий душу, рев приближающегося зверя. Через некоторое время он повторился, и уже совсем близко раздались чьи-то тяжелые шаги. Потом все стихло. Острый Рог осторожно выглянул из своего убежища и остолбенел. В нескольких шагах от шалаша стоял огромный тур с налитыми кровью глазами. Затем он опустил голову и, поддев пень, который часто использовался Острым Рогом для приготовления пищи и, видимо, сохранил еще запах крови, вырвал его из земли. Зрелище было ужасным. К счастью, ветер дул со стороны зверя, и он, не почувствовав запаха человека, через какое-то время удалился. Острый Рог еще долго, боясь пошевелиться, сидел в своем убежище и, цепенея от страха, вслушивался в давно уже безопасную тишину. Он прекрасно понимал, насколько в данной ситуации прозрачна была его защита, состоящая из хрупких шестов и веток. Это понимание еще раз подтверждало правильность его решения: построить, несмотря на все трудности, капитальное и безопасное жилье. Юноша отлично помнил, как несколько лет назад точно такой же тур бродил по их стойбищу, с поразительной легкостью разваливая такие же хлипкие деревянные строения и, с ревом, гоняясь за их перепуганными обитателями. Ночью, под впечатлением произошедших событий, Острый Рог почти не спал и задремал лишь только под утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.